

СОКРЮКИН Алексей Викторович, магистрант I курса факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1; sokr-alexei@yandex.ru)

КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО ЛИБЕРАЛЬНОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА КАК ФАКТОР ВОЗВЫШЕНИЯ КИТАЯ

Аннотация. В статье раскрывается сущность парадоксов и вызовов либерального миропорядка. Автор доказывает несоответствие между идеологическими декларациями экономического процветания и международной демократизации, с одной стороны, и избранными Западом методами осуществления этих идеалов и их реальных последствий – с другой. Кризис усугубляется как отступлением США от роли державы-гегемона, так и ростом политических амбиций КНР. С опорой на теорию гегемонистской стабильности описывается влияние Великой рецессии и пандемии COVID-19 на перемены в структуре дистрибуции власти, которая заключается в падении престижа Вашингтона и стремлении Пекина добиться большей инклюзивности стран Юга.

Ключевые слова: либеральный мировой порядок, международные отношения, Китай, США, Великая рецессия, COVID-19

Споры о современной структуре системы международных отношений (далее – СМО) сохраняли неоднозначность на протяжении всего постбиполярного периода и, что еще важнее, обострялись на фоне мировых кризисов, к числу которых относятся как Великая рецессия 2008 г., так и пандемия COVID-19. В основном эти дискуссии затрагивали тему взлета и падения США, перемены баланса сил в пользу Востока, а также возвышения «остальных». Распад СССР и конец «холодной войны», или самой истории, как полагал Ф. Фукуяма, утверждавший «универсализацию западной либеральной демократии как окончательной формы правления» и «триумф Запада» [Fukuyama 1989: 3] на том основании, что США стали «одиноким сверхдержавой» [Huntington 1999: 36], что ознаменовало разрыв структуры международной системы, существовавшей после Второй мировой войны, т.е. «биполярность уступила место однополярности» [Haas 2008: 45].

С тех пор как США пережили экономический бум и лишились соперников в отношении продвигаемого ими типа глобализации, казалось, осталось мало места для сомнений в отношении их господства. Такое настроение, согласно М. Коксу, и было преобладающим в американском обществе на протяжении всех 1990-х гг., хотя и не абсолютным [Cox 2012: 370]. Так, первые признаки скептицизма в долгосрочности доминирования США выразил Ч. Краутхаммер, назвавший современное ему десятилетие «однополярным моментом» [Krauthammer 1990: 24]. Позднее С. Брукс и У. Уолфорт допустили, что первенство Америки продлится менее 20 лет [Brooks, Wohlforth 2008].

Дж. Айкенберри замечает, что современные нарративы о ревизии либеральной СМО стали результатом неспособности ее ключевых акторов адекватно реагировать на структурные преобразования в мировой политике. Он выделяет два взаимосвязанных кризиса либерального мирового порядка (далее – ЛМП) – кризис власти и кризис легитимности.

Экспансия ЛМП в незападный мир подготовила почву для кризиса власти. Поскольку все большее число государств с расходящимися идеологиями включалось в либеральную систему, естественным образом возник запрос на рефор-

мирование существующих институтов и правил, отражающих ныне устаревшие роли и обязанности. Кризис легитимности же стал следствием неспособности ЛМП в равной степени исполнять обещания экономического процветания и стабильности всем участникам данного сообщества [Ikenberry 2018: 9].

ЛМП сталкивается как с внешними, так и с внутренними вызовами. Например, избрание Д. Трампа в 2016 г. президентом США заставило многих ученых проблематизировать кризисность либерального дискурса. Дж. Най считает, что Д. Трамп стал более опасным элементом ЛМП, нежели «одиозный» Китай, поскольку прежний инкубент – первый президент США послевоенной истории, который открыто поставил под сомнение актуальность международных институтов. Так, Д. Трамп подверг критике целесообразность НАТО – краеугольного камня системы коллективной безопасности Запада – как не соответствующего американским национальным интересам, вышел из Парижского соглашения по климату и из Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве [Nye 2020].

Другие проблемы ЛМП являются результатом внутривнутриполитического развития некоторых (квази)демократических стран, а также неоднозначных практик консолидации власти в ходе третьей волны демократизации [Huntington 1991]. Более того, материализация ранее упомянутых экономического процветания и богатства оказалась проблематичной в контексте не только стран-неофитов, но и устойчивых либеральных демократий, где общественное напряжение вокруг усиления социального неравенства и стагнации реальных доходов набирает значительные обороты [Piketty 2017]. Либеральная глобализация также привела к разделению мира на «победителей» и «проигравших», где последние – государства, чьи национальные производственные силы переместились на территорию стран с дешевыми трудовыми ресурсами – начали требовать внедрения протекционизма, нивелирующего принцип *laissez-faire* [Rodrik 2012].

Аналогичным образом вызывает негативную реакцию стремительная глобализация, приведшая к смешению различных культур, стилей жизни и ценностей, а равно и к эрозии культурной и национальной идентичностей, отчего развивается неприязнь к наднациональным институтам, подрывающим индивидуальность того или иного народа. Одним из последствий культурного ресентимента становится рост крайне правых и популистских настроений [Norris, Inglehart 2019]. Более того, подвергается сомнению легитимность резолюций международных институтов, поскольку они все чаще рассматриваются как невнимательные к нуждам национальных правительств, что, в частности, стало одной из ключевых причин поддержки британцами *Brexit* [Ringeisen-Biardeaud 2017: 4; Nobolt 2016: 1269].

Либеральная модель также потеряла свою привлекательность из-за вмешательства демократических стран в дела «недемократических». По мнению Дж. Миршаймера, ЛМП был обречен на провал из-за ошибочной логики продвижения демократии. Националистические настроения в странах – объектах «демократизации» проложили путь к сопротивлению распространению демократических идеалов. Последствия операции США в Ираке в 2003 г., а также «гуманитарных интервенций» НАТО в Косово в 1999 г. и в Ливии в 2011 г. констатировали отсутствие фактического контроля международных институтов над своими «творцами» [Mearsheimer 2019: 28]. Неспособность же международного сообщества разрешить продолжающиеся гуманитарные кризисы в Сирии, Йемене, Кашмире и др. регионах продемонстрировала, что один из важнейших компонентов современной СМО, который развивался на протяже-

нии многих лет и достиг апогея в инициативе ООН «Обязанность защищать», строго не соблюдается даже ее апологетами [Duncombe, Dunn 2018: 35].

Теоретический тренд обрел новый импульс с началом ранее упомянутой Великой рецессии. В то время как Запад столкнулся с одним из худших экономических кризисов в истории [Chu 2018], Китай стал первой развивающейся страной, принимающей Олимпийские игры, а его ВВП год от года рос более чем на 9% [Rep 2008]. В этом контексте Пан Чжуньин, директор Института глобальных проблем Нанькайского университета отмечал, что КНР демонстрирует успехи не только своих спортсменов в завоевании золотых медалей, но и экономического и политического курса Пекина [Pang 2008]. Такого же мнения придерживается и А. Миссиролли, помощник Генерального секретаря НАТО по вопросам новых вызовов безопасности, констатировавший «эпилог пятисотлетнего мирового господства Запада» и «возвышение Китая, Среднего государства», который «стал возвращать свои позиции как в региональном, так и в глобальном масштабе» [Rejsova et al. 2017: 3]. Такая оценка была поддержана аргументом Р. Швеллера, что в результате комбинации этих двух параллельных процессов, а также существования множества центров силы, таких как ЕС, АСЕАН и других акторов вроде мировых СМИ, НПО и ТНК, власть «сейчас рассредоточена – она находится в разных руках и местах» [Schweller 2010: 155; Naas 2008: 48]. Таким образом, еще одна проблема ЛМП является результатом системных перемен в структуре дистрибуции власти [Mearsheimer 2019: 16].

Для раскрытия этого аспекта следует обратиться к теории гегемонистской стабильности, согласно которой мировой порядок может быть утвержден и управляться за счет власти державы-гегемона, обеспечивающей экономические выгоды, безопасность и стабильность других государств [Gilpin 1981]. При этом устойчивость порядка зависит от распределения престижа – способности легитимно принуждать других соблюдать установленные правила и нормы, что должно являться справедливым отражением дистрибуции власти и реализации национальных интересов государств – участников СМО [Kugler, Organski 1980].

В свете этой логики К. Лейн говорит об упадке престижа США, т.к. на аренах военной, экономической, «мягкой» и др. сил американское превосходство постепенно ослабевает. Например, в области вооруженных сил Пекин быстро сокращает разрыв с Вашингтоном, тогда как Великая рецессия показала, что США не смогли выполнить свои обязательства по обеспечению экономической стабильности мира [Laune 2018: 97]. В свою очередь, Ф. Ян и Дж. Мельник утверждают, что Китай уже давно стремится переформатировать международную систему и стать законодателем новых правил. Экономическое превосходство и наступательность внешней политики КНР при Си Цзиньпине говорят о намерении Пекина увеличить свою структурную силу – способность контролировать международные политические и экономические институты, а также координировать технологические знания и средства связи через такие инициативы, как ШОС, АБИИ и «Один пояс, один путь» [Jan, Melnick 2020]. Уже в 2014 г. в отчете Трансатлантической академии наступающая полицентричная международная система рассматривалась как признак «упадка материальной и идеологической гегемонии Запада» [Kurchan 2014: 222].

Наконец, следует отметить, что текущие краткосрочные последствия продолжающейся пандемии *COVID-19* усугубили кризисы ЛМП.

Во-первых, поскольку мир не смог скоординировать свои усилия и коллективным образом сформулировать универсальную стратегию борьбы с пан-

демией, стало очевидным, что международные институты, даже сама норма многосторонности, оказались неспособными решать глобальные проблемы подобного масштаба [Tisdall 2020]. Также наблюдается тенденция деглобализации, когда правительства склоняются к националистической и протекционистской политике, а предприятия пытаются переформатировать цепочки поставок так, чтобы в будущем сократить свою зависимость от внешнего рынка [Legrain 2020].

Во-вторых, неспособность и нежелание США руководить миром в сдерживании вируса и противодействии его распространению выявили изменение баланса сил, когда КНР фактически приняла эту роль на себя. Китай усилил свое глобальное влияние, оказав не только гуманитарную помощь ряду наиболее пострадавших стран, но и, например, став ключевым спонсором ВОЗ после принятия США решения о выходе из данной организации [Campbell, Doshi 2020].

Наконец, пандемия также спровоцировала споры об относительных достоинствах демократий в обеспечении общественного благополучия во время кризисов по сравнению с авторитаризмом [Walt 2020]. Будучи демократиями, многие страны, особенно Италия, Испания и США, не смогли своевременно отреагировать на угрозу, в то время как Китаю удалось успешно купировать распространение вируса в относительно сжатые сроки. Отсюда ряд исследователей утверждают, что после *COVID-19* ЛМП будет еще значительно отличаться от своего теоретического идеала [Kissinger 2020].

Либеральный мировой порядок уязвим перед им же созданными вызовами. Другими словами, природа ЛМП порождает два парадокса, которые трудно разрешить с опорой на его принципы.

Во-первых, ЛМП требует открытых экономических систем для поддержания и распространения экономического роста. Однако по мере роста взаимозависимости национальных экономик от свободных потоков капитала, рабочей силы и продукции одновременно увеличивается неравенство доходов, а также вероятность потери рабочих мест и возникновения регулярных экономических кризисов подобных Великой рецессии.

Во-вторых, идея продвижения демократии и защиты прав человека дискредитирует саму себя мнимым правом «держав-жандармов» на нарушение фундаментального принципа суверенитета отдельных государств. Это особенно актуально, если такое одностороннее вмешательство осуществляется в обход санкций международных институтов ради удовлетворения национальных интересов другой державы, что в своей совокупности провоцирует амплификацию политической реакции.

В-третьих, эти парадоксы усугубляются не только одномерным отступлением США от исполнения обязательств державы-гегемона, ускорившимся при Д. Трампе, но и резким ростом политических амбиций и экономическим возвышением развивающихся государств, в особенности КНР. Аккомпанирующий дуализм этих процессов приводит к системным переменам в структуре дистрибуции власти, суть которых, раскрываемая через теорию гегемонистской стабильности, заключается в стремлении не-Запада реформировать данную систему мирового распределения престижа, т.к. престиж Вашингтона продолжает стремительно падать.

Наконец, обозначенные процессы представляют собой «идеальный шторм» для успешной реализации наступательной внешней политики КНР при Си Цзиньпине, нацеленной не только на увеличение престижа, структурной или «мягкой» силы Пекина, но и на ревизию современного мирового

порядка таким образом, чтобы добиться большей инклюзивности стран Юга. Готовность же Китая возглавить этот процесс и растущая привлекательность его модели развития еще более подтверждаются в период нынешней пандемии COVID-19, когда ключевые элементы современной СМО не смогли скоординировать усилия и коллективным образом сформулировать универсальную стратегию борьбы с новой глобальной угрозой.

Список литературы

Brooks S., Wohlforth W. 2008. *World out of Balance: International Relations and the Challenge of American Primacy*. N.J.: Princeton University Press. 226 p.

Campbell K., Doshi R. 2020. The Coronavirus Could Reshape Global Order. — *Foreign Affairs*. 18.03. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-03-18/coronavirus-could-reshape-global-order> (accessed 17.04.2022).

Chu B. 2018. Final Crisis 2008: How the Lehman Brothers Collapse Sparked a Global Financial Crisis 10 Years Ago Today. — *The Independent*. 12.09. URL: <https://www.independent.co.uk/news/business/analysis-and-features/financial-crisis-2008-why-lehman-brothers-what-happened-10-years-anniversary-a8531581.html> (accessed 24.11.2022).

Cox M. 2012. Power Shifts, Economic Change and the Decline of the West? — *International Relations*. Vol. 26. No. 4. P. 369-388.

Duncombe C., Dunn T. 2018. After Liberal World Order. — *International Affairs*. Vol. 94. No. 1. P. 25-42.

Fukuyama F. 1989. The End of History? — *The National Interest*. No. 16. P. 3-18.

Gilpin R. 1981. *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 272 p.

Haas R. 2008. The Age of Nonpolarity. — *Foreign Affairs*. Vol. 87. No. 3. P. 44-56.

Hobolt S. 2016. The Brexit Vote: a Divided Nation, a Divided Continent. — *Journal of European Public Policy*. Vol. 23. No. 9. P. 1259-1277.

Huntington S. 1991. *The Third Wave: Democratization in the Late 20th Century*. Ok.: University of Oklahoma Press. 384 p.

Huntington S. 1999. The Lonely Superpower. — *Foreign Affairs*. Vol. 78. No. 2. P. 35-49.

Ikenberry J. 2018. The End of Liberal International Order? — *International Affairs*. Vol. 94. No. 1. P. 7-23.

Jan F., Melnick J. 2020. China's Challenge to America's Political and Economic Liberal Order. — *The National Interest*. 06.01. URL: <https://nationalinterest.org/feature/chinas-challenge-america-s-political-and-economic-liberal-order-111361> (accessed 24.11.2022).

Kissinger H. 2020. The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order. — *WSJ*. 03.04. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005> (accessed 17.04.2022).

Krauthammer C. 1990. The Unipolar Moment. — *Foreign Affairs*. Vol. 70. No. 1. P. 23-33.

Kugler J., Organski A. 1980. *The War Ledger*. Il.: University of Chicago Press. 292 p.

Kupchan C. 2014. The Normative Foundations of Hegemony and the Coming Challenge to Pax Americana. — *Security Studies*. Vol. 23. No. 2. P. 219-257.

Layne C. 2018. The US—Chinese Power Shift and the End of the Pax Americana. — *International Affairs*. Vol. 94. No. 1. P. 89-111.

Legrain P. 2020. The Coronavirus Is Killing Globalization as We Know It. — *Foreign Policy*. 12.03. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/03/12/coronavirus-killing-globalization-nationalism-protectionism-trump/> (accessed 24.11.2022).

Mearsheimer J. 2019. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order. — *International Security*. Vol. 43. No. 4. P. 7-50.

Norris P., Inglehart R. 2019. *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. N.Y.: Cambridge University Press. 540 p.

Nye J. 2020. Trump's Transactional Myopia. — *Project Syndicate*. 04.02. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/trump-renounces-key-ingredients-of-american-global-leadership-by-joseph-s-nye-2020-02> (accessed 24.11.2022).

Pang Z. 2008. The Beijing Olympics and China's Soft Power. — *Brookings*. 04.09. URL: <https://www.brookings.edu/opinions/the-beijing-olympics-and-chinas-soft-power/> (accessed 24.11.2022).

Pejsova E. et al. 2017. *Chinese Futures: Horizon 2025*. Paris: EU Institute for Security Studies. 106 p.

Piketty T. 2017. *Capital in the Twenty-First Century*. Reprint ed. MA: Belknap Press of Harvard University Press. 816 p.

Ren K. 2008. Beijing Olympics Showcases a Mature China. — *CCTV*. 30.09. Доступ: <https://www.cctv.com/english/20080930/100799.shtml> (accessed 24.11.2022).

Ringeisen-Biardeaud J. 2017. «Let's Take Back Control»: Brexit and the Debate on Sovereignty. — *Revue Française de Civilisation Britannique*. Vol. 12. No. 2. P. 1-17.

Rodrik D. 2012. *The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy*. Reprint ed. N.Y.: W.W. Norton & Company. 368 p.

Schweller R. 2010. Entropy and the Trajectory of World Politics: Why Polarity Has Become Less Meaningful. — *Cambridge Review of International Affairs*. Vol. 23. No 1. P. 146-163.

Tisdall S. 2020. Power, Equality, Nationalism: How the Pandemic Will Reshape the World. — *The Guardian*. 28.03. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/28/power-equality-nationalism-how-the-pandemic-will-reshape-the-world> (accessed 24.11.2022).

Walt S. 2020. The Realist's Guide to the Coronavirus Outbreak. — *Foreign Policy*. 09.03. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/03/09/coronavirus-economy-globalization-virus-icu-realism/> (accessed 24.11.2022).

SOKRJKIN Aleksei Viktorovich, 1st year Master student of the Faculty of Political Sciences, Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory St, GSP-1, Moscow, Russia, 119991; sokr-alexei@yandex.ru)

THE CRISIS OF THE MODERN LIBERAL WORLD ORDER AS A FACTOR OF CHINA'S RISE

Abstract. The liberal world order is vulnerable to the challenges it has created. In other words, the nature of the liberal world order creates two paradoxes that are difficult to resolve on the base of its principles. First, a liberal world order requires open economies to sustain and spread of economic growth. However, as national economies become interdependent on the free flow of capital, labor, and output, income inequality increases, as does the likelihood of job losses and regular economic crises like the Great Recession. Secondly, the idea of promoting democracy and protecting human rights discredits itself with the alleged right of «gendarme powers» to violate the fundamental principle of the sovereignty of individual states. Thirdly, these paradoxes are exacerbated not only by the one-dimensional retreat of the United States from fulfilling the obligations of the hegemonic power, which accelerated under D. Trump, but also by the sharp increase in political ambitions and the economic rise of developing states, especially China. The accompanying dualism of these processes leads to systemic changes in the structure of the distribution of power, the essence of which, revealed through the theory of hegemonic stability, is the non-west's desire to reform this system of global distribution of prestige, as Washington's prestige continues to decline rapidly.

Finally, these processes represent a perfect storm for the successful implementation of China's offensive foreign policy under Xi Jinping, aimed at revising the modern world order in such a way as to achieve greater inclusiveness of Global South. China's willingness to lead this process and its growing attractive development model are even more confirmed during the current COVID-19 pandemic, when key elements of the modern system of international relations have failed to coordinate efforts and collectively formulate a universal strategy to combat the new global threat.

Keywords: liberal world order, international relations, China, USA, Great Recession, COVID-19

УДК 327.930.1

ЕМЕЛЬЯНОВА Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН) (117418, Россия, г. Москва, Нахимовский пр-кт, 51/21; e.n.emelyanova@mail.ru)

КАРЛ КАУТСКИЙ О РОЛИ ВОЙН В ОБРАЗОВАНИИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются научные взгляды одного из основоположников военной теории образования государства К. Каутского. Проводится сравнительный анализ его концепции с теоретическими воззрениями Ф. Энгельса, Л. Гумпловича, Р. Люксембург, Ф. Меринга, Г. Плеханова; анализируются позиции в этом вопросе современных ученых. Автор отмечает, что часть ученых, как и К. Каутский, считают войну решающим фактором в создании государства; другие, напротив, полагают, что главными в процессе формирования государственных образований являются развитие экономики, разделение труда, появление собственности и классов; родовая идеология; рост населения, роль вождя; влияние других государств и т.д. Третьи исследователи стремятся обобщить указанные подходы и выработать единую теорию, учитывающую все обстоятельства создания государства.

Ключевые слова: теория международных отношений, теория и философия истории, историография, образование государства, военная теория, К. Каутский, концепции западных и российских исследователей XIX–XXI вв.

Какую роль играют войны в истории человечества? Являлись ли они главным фактором создания государств или нет? Проблема представляется актуальной и сегодня. Данный вопрос давно интересовал ученых. Особенно интенсивно тема обсуждалась в XIX–XX вв., когда стали быстро развиваться общественные науки. Не остались в стороне от дискуссии и современные историки и философы. Тем не менее вопрос воздействия войны на образование государства пока недостаточно изучен. Анализу данной проблемы в трудах К. Каутского и других теоретиков XIX–XXI вв. и посвящена наша статья.

К. Маркс и Ф. Энгельс, как известно, связывали происхождение государства с экономическими процессами и появлением классов. Их последователь Карл Каутский, опираясь на труды классиков марксизма и работы других современников, проанализировав большой массив исторической литературы о первобытной эпохе, выработал собственную концепцию, которая получила название военной теории [Емельянова 2019а: 287–289].

Современник К. Каутского Л. Гумплович в работе «Социология и политика» связывал образование государства с завоеванием сильными племенами более слабых и установлением господства над ними. Образование классов проис-